

Александр Муниров

Сказка о Гоше

Александр Муниров

Сказка о Гоше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21200306

ISBN 9785448319044

Аннотация

Таинственные следы на асфальте, волшебные часы – возвращенный долг за потраченное время, чердак, где каждую зиму живут странные гости, лес, в который нет дороги, осенний костер в парке, целый мир мальчика Гоши, непонятный окружающим его людям так же, как и самому Гоше непонятен мир окружающих людей. Сказка для взрослых, которые все еще любят сказки.

Содержание

Вторая осень	5
Первое лето	13
Первая осень	22
Вторая осень	28
Первая осень	30
Первая весна	36
Первая осень	37
Первая зима	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сказка о Гоше

Александр Муниров

© Александр Муниров, 2016

© Катя Дракон, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-1904-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вторая осень

До самого первого снега жильцы не знали, кто оставляет черные отпечатки ступней на асфальте перед домом.

То не могла быть краска, потому что похмельный жаворонок Дворник несколько раз безуспешно пытался их оттереть. Дважды действительно старался, а один раз, из этих двух, даже вооружился шваброй, взятой напрокат у Старшей По Дому, пусть и без ее ведома. Она, наряду с основной деятельностью еще и убиралась в подъезде и считала своим правом оставлять уборочный инвентарь за входной дверью. Прознав что Дворник пользуется ее инвентарем, Старшая По Дому прилюдно отчитала его, не посчитавшись с тем, что Дворник действовал ради всеобщего блага.

Тем более, что отпечатки все равно не отмывались.

При ближайшем рассмотрении казалось, что они выжжены, словно кто-то стоял напротив дома, копя асфальт своими горячими ступнями, а потом бесследно исчезал ни приходя и не уходя. Дворник даже принюхивался к следам, когда никто его не видел, но кроме запаха мокрого асфальта и осенних листьев не уловил ничего особенного.

Асфальт тоже не страдал. Отпечатки появлялись каждую ночь, постепенно бледнели и к полудню сами собой исчезали. До следующей ночи.

– Ну что ты будешь делать, – время от времени произно-

сил Дворник, глядя на это место, и после, обычно, с досадой в голосе, добавлял еще несколько более емких словосочетаний. Но, как вы понимаете, раскрыть тайну это не помогало.

Он чувствовал себя ответственным за следы, так как был первым, кто их обнаружил и, одно время, даже вырос в глазах прочих жильцов, поднявшись с уровня «обычного старого алкоголика с метлой» до «наблюдательного человека». Потом, конечно, когда о тайне узнал весь дом, Дворник вернулся к прежнему статусу, однако, с тех пор, стоило Дворнику оказаться рядом с теми, кто обсуждал эти следы, как он, считая себя обязанным, неизменно поддерживал разговор, в разных версиях рассказывая, как впервые увидел их:

– Стоял дождливый день, грязища...

– Я стоял, курил, намечал фронт работ...

– Сперва я подумал, что кто-то выбросил ботинки...

И так далее.

Религиозная Дева, живущая на третьем этаже, окнами на склады, тоже сходила посмотреть на следы. Несколько дней после этого, прочие жильцы ждали от нее слов о «Диаволе» или каких-нибудь иных инфернальных вещах. Старшая По Дому Уборщица даже заготовила ответ, собираясь в ответ спросить, за каким чертом дьяволу понадобилось в этом доме. Но Дева так ничего и не сказала, еще больше усилив раздражение к себе со стороны окружающих.

Ее и без того не очень любили. В свои двадцать девять лет Дева выглядела на все сорок, благодаря тщательно по-

добранной неброской одежде и отсутствию макияжа. Жена Механика любила вставить в разговоре со Старшей По Дому, что Религиозная Дева наверняка верит в чистую любовь и какого-нибудь семинариста, который, наконец, одарит ее своим вниманием, а до тех пор она будет ходить одинокой. А не найдет семинариста – отправится в монастырь. Саму Религиозную Деву об этом никто не спрашивал и теория Жены Механика уже долгое время оставалась непроверенной, но чем чаще она об этом говорила, тем больше казалась правдивой. Сама же Дева если и слышала о подобных предположениях, то предпочитала отмалчиваться.

– Это все дети играют! – уверенно заявил Механик, здоровый, во всех смыслах, мужик с густыми, пшеничного цвета, усами, добавляющими ему авторитета, работавший на станции технического обслуживания автомобилей, – мои, во всяком случае, и не на такое способны. Химики, е-мое.

Оба Химики – белобрысые дети с разницей в один год, отрицали свою причастность к следам. Старший легко апеллировал к тому, что по ночам они спят и папа об этом знает. Младший Химик добавлял, что они уже взрослые для таких вещей. В одиннадцать и двенадцать лет уже не до шалостей.

– Это может быть следствием испарения конденсата в пустотах земли, от поверхности тепловых труб, проходящих под асфальтом, – говорил Ученый, дописывающий диссертацию по овощеводству и оттого считающийся единственным потенциально значимым научным сотрудником на весь дом.

Никто из его объяснения ничего не понял, но все допустили справедливость такого явления, хотя почему эти «следствия испарения» проявляются в виде отпечатков ступней, Ученый объяснить не смог, сославшись на «структурные особенности почвы».

– Скорее всего это просто собаки, которых не успели переловить. Они всегда одни и те же места используют, – говорила мама Гоши, крайне не любившая собак. Несмотря на то, что она работала продавцом-консультантом в магазине бытовой техники, а вовсе не ученым, ее мнение тоже было учтено. Дворник, услышав версию мамы Гоши, перестал принимать к следам, что, своего рода, является косвенным признанием правоты ее позиции.

Собак, и в самом деле, до недавнего времени здесь было очень много и они до того обнаглели, что даже покусали местную подвальную кошку, теперь та хромала и не могла быстро бегать. Кошку было всем жалко, пусть и не настолько, чтобы везти ее к ветеринару, и это тоже сыграло свою роль. Так или иначе, собачья теория была признана самой правдоподобной и на этом вопрос о следах почти закрылся.

Признаемся, по настоящему никто, кроме Дворника, вопросом не интересовался всерьез, иначе жильцы уже давно организовали бы наблюдение за этим местом и все выяснили. Не так уж это было и сложно.

Но единственным, кто не поленился это сделать был му-

сорный гоблин Карл, живущий в подвале. Кошка принадлежала, несмотря на то, что об этом никто не знал, ему. Но гоблин не делился своими наблюдениями с жильцами, так как это нарушало первый принцип существования мусорных гоблинов: за редкими исключениями не попадаться людям на глаза.

Второй и последний принцип существования мусорных гоблинов был таким: никогда не использовать денег. Потому, у жильцов дома частенько пропадали вещи – шпильки, клей, старые треснувшие стаканы и тому подобное – что, обычно, кладут на дальнюю полку а потом забывают где оно лежит.

Дворник-то был знаком с гоблином и частенько с ним выпивал, но Карл не рассказывал и ему о следах. Как и мальчику Гоше – случайно познакомившимся с ним вскоре после переезда сюда. Гоша и без Карла знал что это были за следы.

Гоша считался дурачком.

Нет, учился Гоша очень хорошо. Он писал такие красивые сочинения, что их отправляли в министерство образования в качестве доказательства профессионализма учителей школы, где Гоша учился. Он прекрасно разбирался в физике и сходу решал по алгебре любые уравнения. И даже лучше братьев Химиков разбирался в химии. Хотя, вероятно, оттого, что был старше их на год и два соответственно.

Проблемы начинались в общении. Мальчик Гоша не мог связать двух слов, предварительно к этому не подготовив-

шись. Думал он очень складно, но сказать то что думает – не мог и все диалоги с мальчиком превращались в монологи, если только разговор не протекал по Гошиным правилам, когда он заранее знал, что сказать в ответ. А так бывало очень нечасто.

– Это возрастная застенчивость, – говорили психологи его маме, – пройдет. Мальчику надо больше общаться со сверстниками.

Сверстники и окрестили его дурачком в самый первый учебный день, когда Гоша, после переезда в этот дом, пошел в школу.

– О, новенький! Ты откуда к нам пришел? – обступили они мальчика.

Потом Гошу спросили, почему он не отвечает, а он только жалко улыбался вместо ответа, неспособный сходу рассказать о своем недостатке.

– Ты что, дурачок? – спросила одна девочка, тем самым поставив крест на гошиной школьной популярности.

Каким-то образом, не исключено, что и через братьев-Химиков, этот эпитет дошел до дома и, спустя пару месяцев, Гоша, сам того не ожидая, понял, что является, для живущих здесь людей, официальным придомовым дурачком.

Надо сказать, что это было не так плохо. Взрослые люди, в отличие от детей, к дурачкам относились с сочувствием.

– Знаешь, – сказал ему однажды мусорный гоблин, – мне кажется, что в жизни у тебя будут большие проблемы.

Не знаю как сейчас, но лет через девять ты почувствуешь это в полной мере.

Они тогда сидели у входа в подвал, так удачно расположенного, что мама, даже если и выглянула бы в окно, не увидела, что ее сын отмораживает себе пятую точку на холодных и грязных ступеньках, ведущих вниз.

Гоша с трудом представлял, что через несколько лет проблем может быть еще больше, чем сейчас. Будучи от природы очень добрым, он не мог дать сверстникам такой отпор, чтобы те отстали, а ярлык, навешанный в первый день в школе – проблема, от которой одной добротой не избавиться. Хорошо еще, что мама об этом не знала. Ей и без того забот хватало.

Бывает в жизни, знаете ли, когда ты рождаешь ребенка в восемнадцать лет, двумя годами ранее выйдя замуж за человека, уже недовольного такой перспективой, хотя, конечно, и не говорящего об этом вслух. Спустя еще пару лет разводишься и остаешься матерью-одиночкой с ребенком на руках, словно щитом закрывающим тебя от возможных ухаже-ров, что могли бы заполнить вакантное место второй половины.

К тринадцати Гошиным годам, они с мамой жили разной жизнью, лишь время от времени пересекаясь для тех дел, которые нельзя было выполнить порознь. Например, чтобы сводить Гошу к стоматологу.

Мама уходила на работу, приходила домой, готовила, спрашивала Гошу о его делах, получала заранее подготовленный ответ «нормально» и занималась своими делами. Ближе к полуночи она целовала сына в лоб, отправляя его спать. В этом и заключалась ее материнская забота.

Когда у мамы случался выходной, они полдня делали что-нибудь вместе – ходили по магазинам или убирались. Признаться, Гоша предпочитал, чтобы у мамы вообще не было выходных. Но терпел, все-таки мама.

Может показаться, что Гоша не рад жить с такой матерью, но это было не так. Несчастлив он был по другим поводам, а жизнь с мамой его устраивала. Гоша, конечно же, видел фильмы о счастливых семьях и заботливых мамах, что рассказывали детям сказки на ночь, играли во всевозможные игры, не говоря уже об участии во всех аспектах жизни своих чад, но не был уверен, что хочет этого. Сказки он читал сам, не торопясь побыстрее с ними покончить, чтобы заняться другой деятельностью, как часто делают взрослые, а уж играть в то, во что играл Гоша, мама вряд ли бы смогла.

В общем и целом, можно сказать, что взамен обильной родительской любви Гоша получил право на свободу и право играть с теми, кого он сам определил в друзья.

Первое лето

Примерно за месяц до переезда в этот дом, к Гоше подошел его друг – Тощий Бок, обладатель рваного плаща и редких длинным волос. И сказал:

– Прознал о том, куда ты уезжаешь. Передавай от меня привет Карлу и Кристине, – он вытащил из кармана руку, в которой были зажаты золотые часы на цепочке, – отдай, пожалуйста, Кристине и скажи, что Тощий Бок просит прощения.

Кто такая была эта Кристина и как ее искать, Гоша конечно же не знал, а друг не объяснил, но часы все равно взял. Другам нужно помогать, так везде написано. К тому же, Тощий Бок редко его о чем-нибудь просил, а значит это и в самом деле было крайне важно. Гошин друг был крайне неприхотлив, жил в соседнем недостроенном доме, куда Гоша часто лазил после школы и слыл редким гадом, если верить соседям. По своим же собственным словам, Тощий Бок зарабатывал на жизнь тем, что, при помощи перфоратора, делал дырки в стенах жителей близлежащих домов, чтобы живущие в квартирах люди из тех, кто не открывает окна, не задохнулись.

– Когда же этот гад прекратит? – ругались соседи, да и Гошина мама тоже, когда слышали звук работающего перфоратора.

– А как им еще дышать? – ответил Тощий Бок, когда Гоша спросил об этом, – да, работа неблагодарная, но очень нужная.

По его же словам, Тощему Боку за его важную работу платила служба спасения. Пусть и немного, но неприхотливому Гошиному другу на жизнь хватало.

Расставаться с ним не хотелось, несмотря на свой невзрачный внешний вид, Бок был хорошим другом, ни разу не смеявшимся над Гошей. Но мама сказала, что теперь у них есть своя квартира и больше нет нужды платить за съемную, а в таких вопросах ее слова были более весомыми.

Потом, правда, оказалось, что иметь свою квартиру не так уж и здорово. Мама говорила о ней с таким энтузиазмом, что Гоша поневоле представил себе светлое солнечное жилище где-нибудь на верхнем этаже, в идеале недалеко от старого дома, только еще лучше, раза в полтора, если не по жилищным условиям, то по неуловимому ощущению счастья, которое не всегда зависит от жилой площади.

Оказалось достаточно всего одного взгляда на новый дом, чтобы в этом разубедиться. Он стоял на самом краю города, выходя окнами, с одной стороны, на, огороженный чугунной решеткой, двор с пустой детской площадкой, с другой – на белый бетонный забор с колючей проволокой сверху, за которой располагались какие-то склады. Между домом и складами, словно границей, пролегла автодорога, в месте встречи с домом огибая его полупетлей. От остановки и дру-

гих домов, до этого, вела дорожка через небольшой запущенный скверик, в котором жили собаки.

Гоша показалось, что дому лет сто или даже двести. Сложенный из красного кирпича, снаружи он, своей угрюмостью, напоминал древние особняки, в которых обитали привидения, только без свойственной особнякам роскоши. Внутри, как позже выяснилось, было холодно (зимой) и сыро (всегда). Звук шагов по лестнице, где пол на площадках выложен мелкой черно-белой плиткой звучал непривычно громко, а скрипучие деревянные полы в квартире заставляли внимательно выбирать дорогу. Облезлая штукатурка на стенах и потолке, высоченные деревянные двери с щелью для почты вместо дверных глазков и странной формы изогнутые перила. Все вместе это выглядело таким запущенным, по сравнению с их прежней квартирой, что Гоша, еще не успев сюда въехать, уже заведомо разочаровался. Тощий Бок бы здесь точно не прижился – при таком обилии сквозняков ему не нашлось бы работы.

Гоша познакомился с мусорным гоблином вскоре после переезда, через две минуты после того, как впервые увидел Религиозную Деву. Шурша длинной черной юбкой по ступеням, в белой косынке, она походила на то самое привидение, которых Гоша ожидал с самого первого своего появления здесь. Конечно, он почти сразу понял, что Дева, едва касавшаяся тонкой рукой перил, когда спускалась, совсем

не привидение, даже если и хочет таковой казаться, но Гоша, увидев ее сквозь щель между ступенями, решил, на всякий случай, не проверять и спрятался под лестницей на первом этаже, там, где рядами стояли швабры Старшей По Дому Уборщицы. Там же прятался и Карл. Увидев мальчика он только вздохнул, предвкушая, видимо, выговор среди других гоблинов.

– Да нет, она не ужасная. Религиозная Дева еще очень даже ничего, – говорил он после, – и кошку подкармливает. Но первый принцип, сам понимаешь, заставляет меня прятаться.

На изучение дома после переезда у Гоши ушло девять дней. Он рассчитывал справиться быстрее, но оказалось, что переезд – это не просто взять вещи и перевезти на грузовике из одного здания в другое. Требовалось расставить мебель, прикрутить крючки и крепления для полок в тех местах, где это требовалось. Разложить все вещи по местам, а вещей, как с удивлением обнаружил Гоша, у них с мамой оказалось гораздо больше, чем он думал.

Многое Гоше приходилось делать самостоятельно. Мама говорила, что им поможет ее ухажер. «Очередной ухажер», как про себя называл Гоша всех маминых действующих ухажеров. Тот и в самом деле обещал, мальчик сам это слышал, но ни во время переезда, ни после, ухажера почему-то рядом не оказалось. Через неделю же выяснилось, что мама с ним

рассталась. О последнем Гоша не жалел, хотя и считал, что она могла бы и немного повременить.

В общем, Гоша с мамой носили и прикручивали все сами. Мама взяла на неделю отпуск, а это означало, что мальчик не мог посвящать много времени изучению места, где ему предстояло жить.

Тем не менее, ему удалось понять довольно быстро, что здесь обитаемыми являются далеко не все квартиры. А еще то, что иногда дом живет своей жизнью, время от времени самостоятельно отключаясь от электричества и устраивая протечки в трубах, что тянулись вдоль стен в коридоре.

– Это ерунда, – говорил ему Карл позже, – дом очень даже неплох и еще долго простоит, даже несмотря на деструктивную деятельность братьев-Химиков. А трубы и электричество у нас чинит Домоуправление. Правда не часто.

Если загадочное Домоуправление представало перед Гошей чем-то совсем уж потусторонним и невидимым, то Химики были куда более конкретными. Мальчик познакомился с ними очень быстро.

Братья вечно что-то выдумывали и, на седьмой день после Гошиного переезда, устроили ему ловушку, как они потом сказали, из научных соображений. Конструкция ловушки состояла из хитрого сплетения резинок и ведра с водой, стоявшего пролетом выше на перилах. Если бы расчет Химиков оказался верным, то Гоша оказался облит с головы

до ног, но так как проверка надежности не была проведена должным образом, ведро осталось на месте и весь эффект от ловушки заключался лишь в синяке на ноге, по которой хлестнула оборванная резинка.

– В следующий раз получится, – успокаивающе сказал старший Химик Гоше, – извини.

Гоша был не в обиде.

В следующий раз братья и в самом деле соорудили более удачную ловушку, но в нее угодил уже не Гоша а Старшая По Дому. Уж ей-то досталось в полной мере, а потом и Химикам, когда Механик пришел домой с работы.

– Ты не знаешь где живет Кристина?

– Кристиииина? – протянул гоблин в ответ, – а зачем она тебе?

Гоша молча раскрыл ладонь, в которой были зажаты часы.

– Хм... любопытно, – Карл, прищурившись, внимательно их осмотрел, не касаясь пальцами, – Я не уверен, что она примет их. Не так все просто, знаешь ли.

Гоша продолжал ждать ответа.

– Кристины сейчас нет и вернется она сюда в начале осени. Тогда и отдашь ей. Но я бы, на твоём месте, на многое не рассчитывал.

Они переехали в августе. То время, когда по ночам уже холодно, днем – солнечно и тепло, а в сумерках граница между

летом и приближающейся осенью ощущается особенно отчетливо. В свои двенадцать лет Гоша не задумывался о подобных вещах, хотя и чувствовал, что вот она – осень уже на дворе и уж тогда точно что-то случится. Всегда что-то случается, даже если он сам при этом не присутствует.

Но пока он просто наслаждался каникулами и дом, после знакомства с Карлом, перестал казаться ему чужим и неприятливым.

Когда у мамы закончился отпуск, Гоша, днем занимался исследованием дома, а вечером, когда мама возвращалась, помогал ей делать ремонт. Таскали из магазинов до автобусной остановки и с автобусной остановки, через сквер, до дома, банки с краской и рулоны обоев, клей и вязанки пластиковых плитусов. Потом, когда уставшая после работы и ремонта мама уходила отдыхать, Гоша вновь выходил из квартиры и гулял по дому и его окрестностям, узнавая подробности жизни его обитателей.

Дворник, например, в отличие от Старшей По Дому Уборщицы, хранил свой инвентарь в подвале – стратегический запас метел и лопат, а также раскладушку, маленькую табуретку и несколько пакетов с пустыми бутылками. Рядом, буквально за колонной, у ржавого теплообменника, жил мусорный гоблин.

Познакомился Гоша и с Ученым. Они встретились на лестничной площадке, когда Ученый, живший на первом этаже, собирал у двери своей квартиры журналы, вы-

павшие из разорванного пакета. Для Гоши он выглядел пыхтящим громоздким взрослым человеком, чересчур мягким на вид, чтобы воспринимать его всерьез, с трудом нагнувшимся и собирающим комиксы с яркими картинками, изображавшими супергероев в обтягивающих трико и в масках. Одной рукой Ученый прижимал к груди уже собранное, другой поднимал, наклонившись так, что казалось, будто бы он сейчас потеряет равновесие и покатится по площадке.

Увидев, что Гоша за ним наблюдает, Ученый побагровел и крикнул:

– Ну что ты смотришь?! Делать тебе, что ли, больше нечего?!

Гоше-то как раз было что делать – он шел домой с мешком обойного клея, но малиновое лицо Ученого скорчилось в такой гримасе, что Гоша бросил мешок и выбежал из подъезда, припустив по двору до самого сквера и остановившись лишь у ограды. Дальше жили собаки, а Гоша где-то прочитал, что они охотно носятся за бегаящими людьми.

– Лучше уж собаки, чем бомжи, – два дня спустя говорила Старшая По Дому Жене Механика на лестничной клетке. Гоша сидел в соседней квартире и слушал.

Он обнаружил, что одна из дверей, ведущих в заброшенные жилища, была заперта лишь на цепочку, которую можно было легко открыть снаружи. Внутри оказалось тихо и пусто, стены были обклеены старыми газетами, а на полу у одной из стен чернело большое прямоугольное пятно, будто бы

от дивана. Смотреть было не на что, одно разочарование.

Первая осень

С началом осени опять все изменилось. Гоша пошел в новую школу, прослыл дурачком и отныне был вынужден шесть дней в неделю вставать рано утром и тащиться через сквер и несколько кварталов за ним туда, где к нему относились с презрением. Других детей в доме, кроме Химиков, не было, а братья не хотели ходить с ним и, в целом не особо стремились к дружбе. К тому же, в первых числах сентября, они где-то раздобыли петард и думали теперь, как бы их применить с пользой. А Гоша не очень хотел в это время быть рядом с ними.

В первое воскресенье сентября, когда мама уже ушла на работу, а Гоша едва успел проснуться, в дверь постучали, выбив какой-то затейливый ритм.

– Ну что, – сказал Карл, стоявший на пороге, – пойдём к Кристине? Ты только надень что-нибудь поверх трусов и майки, а то выглядит несколько скабрёзно.

Гоша не знал, что значит «скабрёзно», но умылся, причёсался, надел джинсы и свитер и, после одобрения Карлом, они пошли наверх, выше пятого этажа, по узкой, выкрашенной серебрянкой, железной лестнице на чердак. Гоша, ещё летом, предпринял одну попытку пролезть туда, но тогда чердак был заперт на массивный висячий замок. Теперь же

люк был открыт навзничь и никакого замка нигде не было видно.

Гоблин несколько раз стукнул по лестничным перилам и крикнул:

– Эй! Ты уже там?

С видом, какой бывает только у тех, кто обладает особым правом обращаться подобным образом к привилегированным особам, Карл глянул на Гошу и шагнул на первую ступеньку.

С чердака раздался женский голос:

– Залезай, чай остывает.

На чердаке оказалось уютнее, чем можно было бы подумать. Здесь пахло не сыростью, а сухими листьями, лежащими повсюду, а в открытые слуховые окна проникал прохладный осенний воздух и, смешиваясь с теплом от ржавых труб, давал странное приятное ощущение свежести, без возможности замерзнуть.

На одной из труб, с дымящейся чашкой, зажатой между двух ладоней, сидела девушка, совершенно непохожая на других девушек и женщин – девочек из класса, жильцов дома, маму, даже на певиц из телевизора, одно время бывших эталоном красоты для Гоши. Ни косметики, ни модных вещей – растрепанные каштановые волосы, волнами падающие на плечи, подвижное лицо с веснушками, старые потрепанные джинсы и черная кофта с капюшоном и дырками в рукавах под большие пальцы. Кристина болтала ногами

и разглядывала Гошу.

Когда он и мусорный гоблин подошли поближе, то мальчик увидел, что в чашке плавает гроздь рябины.

Вот так и начинается любовь, – думал он спустя два часа, а пока молча стоял и смотрел на эту гроздь, не зная что делать в такой ситуации.

– Послушай ребенок, – выждав паузу сказала Кристина, словом «ребенок» однозначно определив возможную любовь к Гоше в разряд платонических, – я не знаю, что тебе здесь надо, но раньше тебя здесь не видела. Поэтому, давай уж говори.

– Да он живет тут с лета. С мамой, – выручил Карл, – это... Кристина, у него к тебе есть дело.

– Дело? – она, в знак признания за Гошей права тут находиться, протянула кружку мальчику и тот осторожно взял железную чашку в руку и хлебнул горького чая со странным запахом, – а что за дело?

Гоша, свободной рукой, вытащил из кармана часы и протянул Кристине, надеясь, что вопросов будет не слишком много.

Она задумчиво осмотрела их, забрала кружку и сделала большой глоток. Потом взяла часы двумя пальцами за цепочку и поднесла к глазам так, чтобы они оказались между ее глазами и солнечным светом из окна.

– Карл, – сказала Кристина, – это невозможно, – она перевела взгляд на Гошу, – Когда ты увидишь его в следую-

щий раз?

– Этот ребенок не может нормально разговаривать. Какие-то особенности в голове, – сказал Карл и многозначительно поскреб себе лоб пальцем, – но как я понял, эта вещь с его прошлого места жизни. Так что, возможно, никогда.

Если бы Гоша мог вставить пару слов, то добавил бы, что не считает себя ребенком.

– Любопытно, – Кристина отвлеклась от часов и, наклонившись к самому лицу Гоши, посмотрела ему в глаза, – ты, наверное, хорошо умеешь хранить секреты, дружок. Тот, кто тебе дал эти часы – тебе важно знать, что с ним будет? – Гоша кивнул, – Знай, что он прощен. Я больше на него не сержусь и не собираюсь преследовать. Сегодня отправлю ему письмо с этими словами. А часы оставь себе, – она вложила часы в Гошину ладошку, – знаешь что это такое?

Гоша понимал, что в последнем вопросе было больше смысла, чем он видел, но чтобы не прослыть дурачком и здесь, на всякий случай, кивнул.

Позже Гоша узнал, что, в отличие от всех других – глумливых одноклассников и безразличных учителей, занятой своими делами мамы и снисходительно посматривающих на Гошу прочих жильцов дома, Кристине не требовалось, чтобы он делал то, чего от него просят – одевался так, как принято, делал домашние задания и сидел ровно на скучных уроках. Ходил в магазин и вежливо улыбался, когда на него

обращает внимание кто-нибудь из взрослых. Или смеялся, когда какой-нибудь девочке в волосы запускают жевательную резинку, чтобы продемонстрировать свое искрометное чувство юмора. Гоша был уверен, что если бы Кристине кто-нибудь приложил в волосы что-то липкое, то никому не было бы смешно, а меньше прочих – приложившему.

Кристина словно принадлежала к противоположному миру, где, во главу угла, ставилось не послушное следование чьим-то правилам, а что-то другое, более естественное. И хотя Гоша был больше чем уверен, что она способна за себя постоять, само по себе существование Кристины располагало к желанию защищать ее, как какую-нибудь ценность, если возникнет такая необходимость. Например, если Кристина неожиданно столкнется с тем миром, в котором обычно обитал Гоша.

Это было своеобразной любовью. Защищать кого-то, кого ты любишь, наверное легче, чем себя, – думал Гоша.

Мальчик часто представлял, как он – где-нибудь посреди школы, удивляет всех сверстников, когда вступает за честь Кристины, нелепо и чуждо выглядящей в таком месте, а значит, привлекающей внимание всех – и учителей, не терпевших всего, что выходит за рамки школьных правил, ни учеников, издевающихся над всеми, кто выглядит и ведет себя не так же, как они.

До практики, понятное дело, не доходило. Кристина жила своей жизнью, окружающий мир жил своей жизнью.

Зато, в отличие от того мира, Кристина тоже знала о том, что появятся следы на асфальте.

Вторая осень

Это произошло через год после их знакомства, когда Кристина также неожиданно вернулась, как и пропала.

Тем днем она просто постучала в Гошину дверь, а когда тот открыл – без спроса вошла внутрь.

На улице лил дождь, как из ведра. Гоша полчаса, как вернулся из школы и его сырая куртка с капюшоном висела в прихожей. Он заранее знал, что она сказала бы вечером:

– Гоша, ты разве не мог переждать в школе дождь?

А он не мог и доказательством тому был здоровенный, наливающийся синяк на плече, от прилетевшего учебника, сопровождаемого словами: «Иди учись, debil, что ты тут стоишь?» И дружным звонким смехом одноклассниц.

Гоша мог бы быть, все же, более сухим, если бы не провел лишних полчаса в кустах, в сквере, дожидаясь, пока мама уйдет на работу. После работы она собиралась на дискотеку и до самой ночи Гоша был предоставлен сам себе. К тому же, кто знает, может быть к утру куртка уже и высохла бы и мальчик рассчитывал на то, что мама, вернувшись ночью, ее не заметит.

Кристина выглядела так, словно провела под дождем весь день с самого утра. Мокрый плащ, мокрые шерстяные перчатки без пальцев и мокрые волосы, с которых струилась на пол вода.

– Можно я у тебя позаимствую фен? – сказала она, дрожа, – Привет. Рада тебя видеть.

Фен Гоша, в свою очередь, позаимствовал у мамы и следующие двадцать минут Кристина шумела им в ванной, а Гоша грел чай и раскладывал по миске остатки шоколадного печенья. Она взяла попользоваться белой мамин халат и полотенце, на этот раз без спроса. Впрочем, Гоша все равно не возражал бы.

– Знаешь что? – Кристина вдохнула пар, идущий от чашки со смешной кошкой на боку, – Классная чашка, между прочим. Я узнала, что тебя скоро ждет подарок. И не вздумай от него отказываться, это плата за нашу с тобой работу. Ты на меня не обижаешься, кстати?

Гоша обижался все лето на то, что Кристина исчезла, но теперь это казалось неважным. Он хотел было покачать головой, но в этот момент на лестничной площадке зазвенели ключи. Кристина бросила быстрый взгляд на Гошу, потом встала и зашла за холодильник так, чтобы со стороны входной двери не было видно, что у мальчика в гостях девушка в чужом халате, старше его минимум на пять лет.

– Уже пришел? Я кошелек забыла. Принеси пожалуйста, а то я разуваться не хочу – сказала вошедшая мама и Гоша так быстро выполнил ее просьбу, что она не успела обратить внимание ни на женскую одежду, сохнувшую в ванной, ни на Кристинины ботинки, стоявшие у ее ног, ни на мокрую куртку.

Первая осень

Всю прошедшую осень, зиму и весну Кристина и Гоша занимались тем, что помогали разным людям.

– Зима – не самое лучшее время для того, чтобы путешествовать, – говорила Кристина, когда они разводили костер в центре сквера в начале октября, – но не всегда все происходит в удачное время.

Постепенно темнело, все жильцы были дома, а кроме них никто, кроме собак, по скверу не ходил. Да и собаки куда-то делись.

Кристина подтащила поваленный ствол к кострищу и усе-лась на него, достав из кармана пакет, в котором были бутер-броды с сыром.

– Наконец-то стал нормально питаться, – сказала за два часа до этого момента мама, следившая за тем, как ее сын их делает. Слова больше предназначались Жене Механика, в то время сидевшей у них в гостях. Она, с осени, с мамой часто обменивалась солью, вениками, иглами для шитья и прочим хламом, подолгу задерживаясь на их кухне, общения ради.

– Мои тоже не хотят есть, – вздохнула в ответ Жена Механика, – Возраст такой. Противоречивый.

– Совсем бледный стал. Тут все-таки солнца в квартире меньше.

– И как ты с ним одна?

Со позиции Гоши, разговор выглядел совершенно бессмысленным. Он просто взял бутерброды и понес к себе, где уже был заготовлен пакет. Говорить маме о том, что вся еда отправляется Кристине, у которой почти никогда не водилось денег, не стоило. Что же до того, что Гоша ненормально питался – стоило отметить, худобой он никогда не отличался.

Гоша и Кристина молча смотрели в костер, сидя рядом.

– А где собаки? – наконец спросил он, сформулировав вопрос. Кристина в ответ только пожала плечами. На Гошиной памяти она никогда не контактировала с четвероногими. Даже кошка мусорного гоблина, и та ни разу не поднималась на чердак.

До того Гоша ни разу не смотрел в костер. Мама не водила его в походы, а разводить костры во дворах новостроек, где они жили раньше, если и не запрещено, то было настолько нелепым, непохожим на разведение костра занятием, что об этом и думать странно.

Пламя плясало, вырисовывая светящиеся узоры в воздухе, изгибаясь от ветра в своем стихийном танце, своей магией распространяя вокруг тепло, служа ориентиром для всех потерянных, пусть даже и в сквере на краю города и промзоны. Об этом думал Гоша, чувствуя себя причастным к происходящему таинству.

Так и было.

Он не удивился, когда услышал шорох шагов по осенним листьям. Гоша поднял глаза и увидел, как к костру, с его стороны, вышла девочка восьми лет. Очень худая, с огромными голодными глазами на грязном лице с веснушками, одетая в тонкое летнее платье в цветочек.

Кристина привстала и, сощурившись, смотрела на нее, замерев, словно боялась испугнуть.

– Ничего себе, – пробормотала она, осторожно протянув руки к девочке. Та остановилась в четырех шагах от Кристины совсем рядом с мальчиком, глядя то на костер, то на нее, то на Гошу.

– Эй, – тихо сказала подруга мальчика, – тебе здесь ничего не угрожает. Ты заблудилась, устала и проголодалась. Поэтому я тебя тут и жду.

Но вид у девочки был испуганный, а когда Кристина выпрямилась и сделала шаг к ней, отступила назад.

– Не бойся, – только девочка все равно боялась.

Гоша чувствовал исходящий от девочки холод и, сам не понимая зачем это делает, тоже протянул к ней руку и коснулся пальцами ее пальцев. Девочка посмотрела на Гошу так, словно на старшего брата, которого попросила о помощи.

Кристина удивленно подняла брови.

А Гоша стянул с себя куртку на искусственном меху, что недавно купила ему мама на какой-то из распродаж и надел

девочке на плечи, а потом обнял.

– Ничего себе, – повторила Кристина.

Спустя минуту они уже сидели у костра. Девочка ела бутерброд, а Гоша наливал ей теплый чай из пластиковой бутылки, стоящей у самого костра.

Кристина удивленно смотрела на происходящее.

Девочка не сказала ни слова. Она съела два бутерброда с таким аппетитом, словно ничего вкуснее не существовало, выпила полбутылки чая, а потом закрыла глаза, уткнулась носом в плечо Гоше и задремала. Все произошло так быстро и естественно, словно так всегда и должно было происходить.

– Тсс... – сказала Кристина, наблюдавшая за этим, – сейчас... еще немного и пойдем. Слушай.

Гоша прислушался. Ветер шумел в деревьях. За пределами круга света, шелестело что-то странное. Время от времени редкий лист пролетал над ним и улетал назад, в темноту. Пламя извивалось, отбрасывая причудливые тени на окружающее. От ощущения присутствия пощипывало кожу на затылке, словно кто-то касался волос или дышал ледяным дыханием ему в шею. Гоша не оборачивался, но чувствовал, что оно, чем бы оно ни было, есть и ждет, чтобы он обернулся. Тогда-то оно станет реальным и сможет войти в круг света.

Кристина склонилась над ветками, лежащими у ее ног и, собрав их в охапку, бросила все что было в костер. Через секунду поднялся ветер, взметнув пламя вверх, обдав горячим

воздухом и осветив мир так, что Гоша перестал что-либо видеть, кроме яркого пятна. Лицо пекло.

А когда, наконец, зрение вернулось, то вместе с ним пришло и осознание: то, что находилось позади него – ушло.

Они вдвоем допили чай. Кристина засунула пустую бутылку в огромный карман полупальто-полукофты, в которой была, подняла спящую девочку на руки и понесла домой, оставив костер догорать.

Гоша последовал за ней.

Так они дошли до двора. Молча вошли в подъезд. Поднялись на второй этаж. Никто их не остановил.

– Спасибо, – сказала, наконец Кристина, – вот почему Тощий Бок и выбрал тебя. По другому и быть не могло.

И пошла дальше наверх, к чердаку, больше ничего не объяснив.

– Уже десятый час, – сообщила мама, когда Гоша войдя в квартиру, заглянул в ее комнату, – где пропадал?

Но, не получив ответа, лишь сказала, чтобы он не задерживался, поцеловала в лоб, не обратив внимания на запах костра, и сообщила, что ему пора спать.

На следующий день Гоша заболел и пролежал дома целых три недели. Это было даже хорошо, причем не столько оттого, что он не видел своих одноклассников столько времени – мама обнаружила пропажу куртки только утром, но не стала сильно ругать больного сына.

Он видел из окна, как Старшая По Дому Уборщица возмущалась, когда обнаружила следующим утром кострище «в двух шагах от нашего дома».

– Нас чуть было не спалили бомжи, – говорила она Жене Механика, вышедшей по своим делам на улицу.

– Куда смотрит Дворник, – эхом откликнулась та, а после рассказывала об этом маме Гоши.

Дворник был изловлен и приговорен лазить по всем кустам сквера в поисках бомжей. Никого, естественно, не нашел, только поднял панику среди собак. Дело закончилось тем, что он взял лопату и забросал кострище землей, чтобы Старшей По Дому оно не резало взгляд.

– Это вообще не моя территория, – ворчал он мусорному гоблину, – и уж точно не ее.

Карл понимающе кивал.

Первая весна

В конце весны Кристина ушла также незаметно, как и появилась, безо всяких предупреждений. Девять месяцев она и Гоша общались, а потом вдруг оказалось, что ее в доме больше нет.

– Она всегда так делает, сколько помню, – сказал Карл, – и всегда возвращается осенью. Не переживай, ничего с Кристиной не случится.

По этому поводу Гоша как раз не переживал. Кристина была не из тех, с кем может случиться что-нибудь плохое. Он чувствовал себя обделенным. Общая тайна, как он считал, о которой не знали другие жильцы дома, располагала к доверию. Как минимум, Кристина могла предупредить Гошу о том, что уйдет. Ей, в отличие от него, это не составило бы труда.

– Летом меня не будет, но осенью мы с тобой непременно встретимся, – вот и все, что ей нужно было сказать.

Но Кристина исчезла молча, как будто ее и не существовало и получалось, что все то, что Гоша делал – носил ей еду, помогал убираться на чердаке, искал на соседних помойках нужные вещи и тайком приносил наверх, все это было недостаточно для того, чтобы просто предупредить.

А Гоша уже считал себя полноправным участником всех Кристиных дел.

Первая осень

Та девочка была лишь первым из посетителей. Кристина, как выяснилось, содержала на чердаке ночлежку для разных людей, встречала их, кормила, укладывала спать и провожала. Чаще всего дело происходило ночью, то ли для того, чтобы не беспокоить жильцов, то ли Кристинины посетители предпочитали передвигаться по городу ночами.

Гоша же по ночам должен был спать в своей комнате, так как мама, все-таки, в это время находилась за стенкой, но он часто просыпался, подходил к окну, растапливал дыханием корку льда на стекле или протирал выступившую на нем влагу и смотрел, как Кристина стоит на детской площадке и ждет гостей. Или общается с ними.

Одной ноябрьской ночью его заметили. Кристина стояла и говорила с двумя взрослыми а третий, поменьше, вероятно их сын, в это время разглядывал окна и, поймав Гошин взгляд, помахал ему рукой.

Гоша приставил к подоконнику стул, залез и открыл форточку, махнув через нее. Потом стул сломался. Он был старый, появился в Гошиной жизни еще со времен второго класса и мальчик неоднократно качался на нем, так что это было естественным концом, лучшей смерти стулу и придумать было нельзя, хотя мама все равно не оценила.

Следующим утром, выходя из квартиры, Гоша увидел ле-

жашую на коврике у двери странную штуку, размером с половину ладошки, сплетенную из веточек и узкой алой ленточки. Штука легко помещалась в карман. Он вернулся, положил ее в стол и после пошел в школу.

– Ну что ты за человек такой? – фыркнула Кристина, когда Гоша, вернувшись и поднявшись на чердак, показал ей находку, – притягиваешь к себе людей. Тебе нравится быть в центре внимания, да?

Учитывая, что тремя часами раньше один одноклассник, зачерпнув воды из лужи чьим-то выброшенным ботинком, плеснул ей в Гошу, тот имел свое мнение насчет центра внимания.

– Носи с собой, – добавила Кристина, – хуже точно не будет.

Гоша носил этот амулет целых два месяца и все это время одноклассники обходили его стороной, найдя других жертв для своих шуток. Потом мама обнаружила его, когда собиралась постирать Гошины джинсы и выбросила, причем так умело, что Гоша, облазив все мусорные контейнеры, так и не нашел свой амулет, лишь зря пропах испорченными продуктами, выброшенными Ученым после того, как тот купил новый холодильник.

На следующий день, на уроке физкультуры, в Гошу бросили баскетбольным мячом, попав в лицо и оставив огромный, похожий румянец, синяк на щеке. Все вернулось на круги своя.

Первая зима

Как-то раз Гоша, возвращаясь из школы и проходя через сквер, несмотря на все запреты мамы после разговоров о бомжах и собаках, повстречал на том самом месте, где был костер, старика с редкой но длинной седой бородой, одетого в клетчатое пальто. На голове у него сидела старомодная шляпа, а в руке он держал трость из черного дерева с набалдашником в виде головы слона. Старик выглядел крайне обшарпанным, словно вышедшим прямо из прошлого века. Он не имел ничего общего с современными молодящимися стариками в трико и бейсболках и, похоже, его это совсем не смущало. Трость же, на фоне невзрачного внешнего вида, выглядела настоящим сокровищем. Если бы старик прошелся по улицам, то на него непременно бы все оборачивались. В сквере же, кроме Гоши, не было никого и оценить такую эпатажность было больше никому.

– Скажи мне, ребенок, – сказал он, когда мальчик подошел поближе, – где-то здесь есть гостиница? Мне говорили о ней.

Гоша, как вы уже поняли, не очень любил, когда его называли ребенком. Но, в данном случае, посчитал он, для такого древнего старика, наверняка все люди моложе сорока лет были детьми. К тому же, после своих слов он махнул тростью так элегантно, как делают только аристократы из старых чер-

но-белых фильмов, что не могло не расположить к себе.

Такой старик, понятное дело, мог искать только одну гостиницу и Гоша повел его к Кристине.

Он хромал и путь, который Гоша преодолевал за три минуты, они вдвоем прошли за десять. Старик молчал и Гоша молчал, все пытаясь сформулировать вопрос о том, откуда взялась такая великолепная трость. И еще один – как старик поднимется на чердак при такой хромоте.

Когда они подошли к двери подъезда, навстречу вышел Карл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.